

Упорство германцев во Франции начнет как будто сламываться. Все прорактерный инцидент: камни, продававшиеся вином и прочие французы утверждают, что на шай «Vorwärts», бросаясь к автомобилей своим львом флангом. Поднявшись солдаты с генералами и солдатами, чтобы отогнать урагана. Оккупации вами: «купите ставший салонным «Vorwärts!» Генеральный штаб разбрешел разворочены до основания.

Разбились, разместились по улицам, за- продажу в армии социалистических из-

вестников воююю по всему фронту. Оккупации вами: «купите ставший салонным «Vorwärts!» Генеральный штаб разбрешел разворочены до основания.

Ч. Путинский.

Интернациональная социалдемократия и война.

Ни одна идеология не потерпела теперь такого крушения, как социалистическая. Задесь, на нейтральной почве Швейцарии, социал-демократы открыто признаются, что идея интернационала на- несена войной такой удар, от которого она едва ли оправится. И главный удар был нанесен в ту страну, где эта идея возникла и культивировалась — в Германии. Кто не считался со мною германской социалистической партии? Всегда, олимпийским собою германский милитаризм, считал социал-демократию своим харьком и опаснейшим врагом; это он скрестил ее «quaterlandslose Ge- sellen» в «die rote Rotte». Где только мог, он превращал и диктатори- зал ее. Многие вожди этой партии были убеждены, что они в союзе с французскими товарищами могут предупредить европейскую войну. И уже во всяком случае ожидали, что германские социал-демократы представят генеральному штабу серьезнейшие затруднения.

Что произошло за кулисами германской политики, какими средствами Бетман-Гольдберг удалось воз действовать на воин- ской социал-демократии, — еще неизвестно. Хотя только отношение германских социал-демократов зависело от решения нескольких вождей, — было бы полубыть: позже рабочие массы смыли бы этическую отступническую основу идеи социализма. Но получается впечатление, что эти идеи за- брошены, как в негодный брат, теми миллионы германских пословодителей социализма, надежность которых иска- зилась из-за безусловного заблуждения. Они убедились, что вспышки вихрей удаляются, а та- кие вихри, убывающие в том, что вся сложная организация, вся работа пропаганды десятилетиями капитулировали перед генеральными штабами, расторвались в пороховом дыму.

Ж. Караваев.

Цюрих.

Из дорожной книги.

IV.

СТИХИЯ.

Еще недавно за Тарнорудой, Томашевым, даже под Волочиском валились сардицы, ружья, сумки, патроны, груды воинского и санитарного добра, как позднее погрома, вплоть до просыпанной кру- пы; все нескладно, все словно разворо- тили вихрь.

Ужасная книга! Ея страницы — пола, раскинуты на сотни верст.

Сначала бой.

Затем копилярная суматоха боялась:

ти ружья, патроны, припасы.

И все осталось написанным на зем- ля, изрытой окопами, снарядами и... мое- гами. Все сбъзжено; в эту сторону луч- ше не приглядываться: наскоро заскру- пили...

Путь наступления.

Путь наших побед.

Тут пулеметы уложили цепью частей.

Здесь четыреста пятьдесят.

Там плавная атака, — «на плечах»

шли в деревушку.

Вот, эти письмена.

Вот, где проходила история.

И читал письмена снарядов, могил,

окопов, понимаешь, сколько лишений,

сколько нечеловеческих успий надо бы-

ло, чтобы сбить эту бурю, выдержать ее и непрерывно нести вперед.

День, а то два на сухарь, потому бой.

Усталость, — грязное поле кроватью; по-

лог — осенний дождь.

Опять шагают; опять — сухарь. Где-то

позади — обоз, кухня, но искать, оста-

новиться, — себ воротке стоит.

Измоки, а глотка сухая, трудно про-

глотти слюну.

Сожженная пожаром деревушка, где

быстро сгорела — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

ской лейтенантке. Самые последние городовые обросли колючими вильгельмовскими усами.

Только войны! От всей германской куль-

турой обросшилась — прадник. Потом бой,

всегда снаряды. И смотришь, Гаупт- маан и немецкий курортный врач прите-

лись мячом к лицу к калининград-

